
По жалобам о нарушении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

Вопрос о наличии имущества для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

Вопрос о соблюдении государством
своих позитивных обязательств

Вопрос о правомерности
лишения имущества

По делу обжалуется незаконное распределение активов частного банка конкурсным управляющим. По делу требования статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции нарушены не были.

Котов против России
[Kotov v. Russia] (№ 54522/00)

Постановление от 3 апреля 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявитель имел сберегательный счет в частном банке, в отношении которого было возбуждено конкурсное производство. Будучи вкладчиком, он признавался согласно национальному законодательству привилегированным кредитором и, соответственно, имел право на получение части активов, пропорциональной сумме задолженности перед ним, вместе с другими привилегированными кредиторами, ранее кредиторов следующей очереди. Однако в соответствии с решением комитета кредиторов конкурсный управляющий осуществил в приоритетном порядке удовлетворение требований определенных категорий лиц, не указанных в национальном законодательстве (инвалидов, ветеранов, нуждающихся и лиц, принимавших активное участие в процедуре ликвидации). В результате активы банка были использованы для полного удовлетворения требований «привилегированных» кредиторов, тогда как заявитель получил менее 1% от суммы своего требования. В апреле 1998 года заявитель возбудил разбирательство об обжаловании порядка распределения активов. Хотя суды впоследствии признали нарушение закона и обязали конкурсного управляющего устранить его, решение осталось неисполненным, поскольку у банка отсутствовали активы. В 1999 году заявитель предъявил лично к конкурсному управляющему требование о возмещении ущерба, но оно было отклонено, во-первых, потому, что было предъявлено в арбитражных судах, а не в судах общей юрисдикции, и, во-вторых, поскольку оно было предъявлено до ликвидации банка и поэтому влекло угрозу «двойного взыскания» в случае удовлетворения обоих требований заявителя.

Постановлением от 14 января 2010 г. (см. «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 126) Палата Европейского Суда единогласно постановила, что по делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, признав, что действия конкурсного управляющего затрагивали ответственность государства и что заявитель был незаконно лишен своего имущества.

ВОПРОСЫ ПРАВА

*По поводу соблюдения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. (а) Приемлемость жалобы. Юрисдикция *ratione temporis*.* Распределение активов банка среди «привилегированных» кредиторов представляло собой единовременный акт, имевший место до 5 мая 1998 г., когда Конвенция вступила в силу для России. Соответственно, оно не относилось к юрисдикции Европейского Суда *ratione temporis*. Тем не менее заявитель имел доказуемое требование о возмещении вреда, когда Конвенция вступила в силу в отношении России, и данное требование пережило первоначальное причинение вреда. Главный вопрос заключается в том, почему попытка восстановить свои права не дала результата после вступления Конвенции в силу. Следовательно, Европейский Суд имеет юрисдикцию с точки зрения времени для рассмотрения вопроса о том, были ли его права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, надлежащим образом обеспечены в двух разбирательствах, имевших место в 1998 и 1999 годах (Постановление

Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» [Broniowski v. Poland]¹ является применимым).

РЕШЕНИЕ

Жалоба признана приемлемой (вынесено 16 голосами «за» и одним – «против»).

(b) *Существо жалобы.* Не оспаривалось сторонами, что первоначально присужденная решением суда сумма представляла собой «имущество» заявителя, что конкурсный управляющий действовал незаконно, уклонившись от распределения активов банка в соответствии с очередностью, и что заявитель получил намного меньше, чем он правомерно мог рассчитывать. Таким образом, он был лишен своего имущества незаконными действиями конкурсного управляющего.

(i) *Государственный представитель.* Возник вопрос, действовал ли конкурсный управляющий в качестве государственного представителя или, как утверждает государство-ответчик, в личном качестве, что не влекло ответственности государства. Хотя в тот период национальное законодательство предусматривало, что конкурсный управляющий не является публичным должностным лицом, необходимо определить – с учетом порядка назначения конкурсного управляющего, контроля его деятельности и подотчетности, целей, полномочий и функций, – соответствовал ли его формальный статус реалиям конкурсного производства.

В период, относящийся к обстоятельствам дела, конкурсные управляющие в России являлись частными специалистами, привлекаемыми на открытом рынке, кредиторским органом, действующим в собственных интересах, которое свободно устанавливало и выплачивало вознаграждение. Хотя назначение конкурсного управляющего кредиторским органом утверждалось судьей, роль последнего заключалась лишь в проверке того, отвечал ли конкурсный управляющий необходимым критериям, и суд не возлагал на государство ответственность за способ исполнения конкурсным управляющим своих обязанностей.

Конкурсные управляющие несли ответственность только перед кредиторским органом или отдельными кредиторами, а не перед каким-либо регулятивным органом. Они не получали какого-либо публичного финансирования. Национальные суды имели ограниченные контрольные полномочия по проверке соблюдения норм о несостоятельности и не могли проверять оправданность решений конкурсного управляющего с экономической или коммерческой точек зрения. По сути они играли ту же роль, что и в любом другом частном споре. Что касается целей, задача конкурсного управляющего в большей степени аналогична задаче иных частных предпринимателей. Один лишь факт того, что его услуги также могли иметь общественно-полезный характер, не превращал его в должностное лицо, действующее в общественных интересах. Еще существеннее то, что полномочия конкурсного управляющего сводились к оперативному управлению имуществом несостоятельной компании, но отсутствовало официальное делегирование полномочий со стороны какого-либо государственного органа. В отличие от судебного пристава, конкурсный управляющий не имел принудительных или регулятивных полномочий в отношении третьих лиц. В период, относящийся к обстоятельствам дела, конкурсные управляющие в значительной степени пользовались оперативной и институциональной независимостью. Участие государства сводилось к созданию законодательной базы, определению функций и полномочий кредиторского органа и конкурсного управляющего и к контролю за соблюдением этих правил. Конкурсный управляющий в настоящем деле, соответственно, действовал не как государственный представитель, и государство-ответчик не могло нести прямую ответственность за его неправильные действия.

(ii) *Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств.* Злоупотребления конкурсного управляющего носили серьезный характер и имели место в сфере, в которой бездействие государства в борьбе с нарушениями процедуры и обманом могло иметь разрушительное влияние на экономику, затрагивая большое количество индивидуальных имущественных прав. Следовательно, в обязанности государства входит, по крайней мере, создание минимальной законодательной базы, включающей соответствующий орган, позволяющий лицам, оказавшимся в положении заявителя, защитить свои имущественные права эффективно.

Заявитель возбудил два разбирательства с целью восстановления своих прав. Первое, возбужденное против конкурсного управляющего в качестве руководителя банка, оказалось неэффективным вследствие отсутствия активов.

Второе разбирательство, возбужденное против конкурсного управляющего лично, также не дало результата по причинам подведомственности и того, что оно было сочтено преждевременным. Что касается первого из этих оснований, Европейский Суд установил, что существовавшие в то время правила подведомственности судов были неясными, и арбитражные суды трех инстанций полагали, что обладают юрисдикцией для рассмотрения дела до того,

¹ Решение Большой Палаты от 19 декабря 2002 г. по делу «Брониовский против Польши» [Broniowski v. Poland], жалоба № 31443/96, «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 50.

как возник фактор «подведомственности». Таким образом, если заявитель обратился в суд, который не имел юрисдикции для его рассмотрения, эта ошибка не могла быть разумно вменена ему в вину. Что касается второго основания, Европейский Суд согласился с тем, что отказ национальных судов от рассмотрения требований заявителя до окончания конкурсного производства не был лишен смысла, поскольку существовала угроза получения заявителем двойной компенсации за одни и те же финансовые убытки. Не являлось неразумным понуждение ущемленного кредитора к ожиданию прекращения существования компании-должника прежде, чем он смог бы потребовать компенсации ущерба лично от конкурсного управляющего. В деле заявителя конкурсное производство было окончено всего через восемь дней после отклонения требования заявителя против конкурсного управляющего. В любой момент после этого заявитель мог предъявить иск о возмещении ущерба к конкурсному управляющему, но не сделал этого. В итоге закон предусмотрел «отложенное» компенсаторное средство правовой защиты, но заявитель не использовал его, когда оно стало доступным. Невозможность требования компенсации от конкурсного управляющего не затронула существо прав заявителя и не вышла за рамки пределов усмотрения государства при сопоставлении конкурирующих частных интересов в рамках процедуры банкротства.

Таким образом, правовая база, существовавшая в период, относящийся к обстоятельствам дела, соответствовала позитивному обязательству государства о создании механизма защиты прав заявителя, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции нарушены не были (вынесено 12 голосами «за» и пятью – «против»).